

**Постановление Конституционного суда РФ
от 20 ноября 2007 г. N 13-П**

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 20 ноября 2007 г. N 13-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ
СТАТЕЙ 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 И 445 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБАМИ ГРАЖДАН
С.Г. АБЛАМСКОГО, О.Б. ЛОБАШОВОЙ И В.К. МАТВЕЕВА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего - судьи Г.А. Жилина, судей Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, В.Д. Зорькина, С.М. Казанцева, М.И. Клеандрова, Н.В. Мельникова, Н.В. Селезнева,

с участием граждан С.Г. Абламского и О.Б. Лобашовой, представителей гражданки О.Б. Лобашовой - адвокатов Ю.Л. Ершова и В.П. Носкова, представителя Государственной Думы - кандидата юридических наук Е.А. Фоминой и представителя Совета Федерации - доктора юридических наук Е.В. Виноградовой,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации",

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку все жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", соединил дела по этим жалобам в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, объяснения представителей сторон, заключение эксперта - доктора юридических наук С.П. Щербы, выступления приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.Л. Оксюка, от Министерства внутренних дел Российской Федерации - К.Е. Любимова, от Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации - Б.А. Казаковцева, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Граждане С.Г. Абламский, О.Б. Лобашова и В.К. Матвеев просят признать не соответствующими Конституции Российской Федерации ряд положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которыми регламентируется

производство по применению принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости.

1.1. Советский районный суд города Брянска удовлетворил ходатайство следователя прокуратуры Брянской области о помещении гражданина С.Г. Абламского, обвинявшегося в совершении деяния, предусмотренного частью второй статьи 129 "Клевета" УК Российской Федерации, в психиатрический стационар Брянской областной больницы для производства судебно-психиатрической экспертизы. Надзорные жалобы С.Г. Абламского в Брянский областной суд на принимавшиеся в ходе производства по делу судебные решения возвращены без рассмотрения с указанием на то, что по заключению судебно-психиатрической экспертизы он нуждается в принудительном лечении и потому не вправе лично оспаривать решения суда.

Полагая, что нормы главы 51 "Производство о применении принудительных мер медицинского характера" УПК Российской Федерации лишают лицо, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, возможности самому знакомиться с материалами дела, участвовать в судебных заседаниях, лично осуществляя свою защиту, а также обжаловать принятые по делу решения, С.Г. Абламский просит признать это регулирование (содержащееся в части третьей статьи 433, частях третьей и шестой статьи 439, части первой статьи 441 и статье 444) нарушающим его права, закрепленные в статьях 45 и 46 Конституции Российской Федерации.

1.2. Постановлением Ленинского районного суда города Ярославля было продлено применение принудительных мер медицинского характера в виде амбулаторного лечения и наблюдения у врача-психиатра в условиях психиатрического диспансера в отношении гражданки О.Б. Лобашовой, обвинявшейся в совершении деяния, предусмотренного частью первой статьи 318 "Применение насилия в отношении представителя власти" УК Российской Федерации. Кассационная и надзорная жалобы на это постановление, поданные О.Б. Лобашовой в Ярославский областной суд, а также ее ходатайство о прекращении принудительного лечения, направленное в Ленинский районный суд города Ярославля, возвращены без рассмотрения со ссылкой на то, что в соответствии со статьями 402, 444 и 445 УПК Российской Федерации она не относится к числу лиц, которые вправе обжаловать указанные судебные решения и заявлять соответствующие ходатайства, и что ее процессуальные права были реализованы ее законным представителем.

Неконституционность статей 402 и 444, а также части первой статьи 445 УПК Российской Федерации О.Б. Лобашова усматривает в том, что содержащиеся в них нормы, не включая лицо, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера, в число участников уголовного судопроизводства, имеющих право обжаловать решения суда о применении и продлении принудительных мер медицинского характера и могущих инициировать рассмотрение вопроса о прекращении применения этих мер, лишают ее права на самостоятельное обращение в суд за защитой своих прав и тем самым противоречат статьям 45 и 46 Конституции Российской Федерации. Не соответствующими Конституции Российской Федерации заявительница просит признать и те нормы главы 51 УПК Российской Федерации, которые, как она полагает, не предоставляют лицам, в отношении которых ведется производство или уже принято решение о применении принудительных мер медицинского характера, право

знакомиться с затрагивающими их права решениями и участвовать в судебном заседании, т.е. часть третью статьи 433, части третью и шестую статьи 439 и часть первую статьи 441.

Кроме того, О.Б. Лобашова утверждает, что используемое как в главе 51 УПК Российской Федерации (часть вторая статьи 443, часть шестая статьи 445), так и в главе 15 УК Российской Федерации (часть третья статьи 102, часть вторая статьи 104) в связи с регламентацией оснований для применения, продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера понятие "психическое состояние" является юридически неопределенным и порождает произвольное применение этих мер, что противоречит статьям 19 и 46 Конституции Российской Федерации.

Между тем отсутствие в законе формально определенных критериев понятия "психическое состояние", относящегося по своей природе к категориальному аппарату наук, изучающих психическую сферу человека, само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявительницы. Его содержание конкретизируется судом в каждом уголовном деле на основе подтвержденных доказательствами фактических обстоятельств с помощью специальных познаний экспертов в области судебной психиатрии. Исходя из их выводов о наличии или отсутствии у лица психического расстройства и о существовании в связи с этим опасности причинения им вреда себе самому или другим лицам суд устанавливает соответствующие изменения в психическом состоянии данного лица, выступающие в качестве правообразующих, правоизменяющих или правопрекращающих юридических фактов, и тем самым обеспечивает справедливое разрешение уголовного дела либо возникающих в связи с применением принудительных мер медицинского характера процессуальных вопросов. Именно суд, исследуя вопрос о наличии оснований для применения, продления, изменения или прекращения применения к лицу принудительных мер медицинского характера, обязан проверить в судебном заседании обоснованность выводов специалистов-психиатров о наличии у лица психического расстройства и его возможных последствиях и в зависимости от психического состояния лица принять надлежащим образом мотивированное решение по делу.

1.3. По постановлению Железнодорожного районного суда города Новосибирска в отношении гражданина В.К. Матвеева в связи с совершением им деяния, предусмотренного частью первой статьи 318 "Применение насилия в отношении представителя власти" УК Российской Федерации, были применены принудительные меры медицинского характера в виде амбулаторного принудительного наблюдения и лечения у психиатра по месту жительства. Полагая, что при рассмотрении его дела был нарушен уголовно-процессуальный закон (в частности, к участию в деле ни на предварительном следствии, ни в судебном разбирательстве не привлекался законный представитель, при проведении экспертиз не участвовал защитник), В.К. Матвеев обжаловал это постановление в кассационном порядке, однако в рассмотрении жалобы ему было отказано со ссылкой на то, что статья 444 УПК Российской Федерации наделяет правом обжалования такого рода решений только защитника, законного представителя или близкого родственника лица, в отношении которого рассматривалось уголовное дело, и прокурора.

В.К. Матвеев просит признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19, 45, 46 (части 1 и 2), 50 (часть 3) и 55 (часть 3), взаимосвязанные положения статей 437, 438 и 444 УПК Российской Федерации, как не предусматривающие

обжалование постановления о применении принудительных мер медицинского характера самим лицом, в отношении которого эти меры применяются. Кроме того, он оспаривает конституционность части первой статьи 437 УПК Российской Федерации, как не обеспечивающей обязательное привлечение к участию в производстве о применении принудительных мер медицинского характера законного представителя лица, в отношении которого ведется данное производство.

Между тем закрепленное в части первой статьи 437 УПК Российской Федерации правило о привлечении на основании постановления следователя или суда законного представителя лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, к участию в уголовном деле служит важной гарантией прав лиц, не способных (или недостаточно способных) самостоятельно участвовать в судопроизводстве в силу наличия у них психического расстройства.

Использованная федеральным законодателем формулировка "законный представитель привлекается к участию в уголовном деле" является императивным по своему характеру предписанием, которое исключает осуществление производства о применении принудительных мер медицинского характера без участия в уголовном деле законного представителя, равно как статья 438 УПК Российской Федерации не допускает рассмотрение этой категории дел в отсутствие защитника. Данный вывод подтверждается и положениями частей третьей и шестой статьи 439, частей первой и третьей статьи 445 УПК Российской Федерации, предусматривающими обязанность следователя и суда в ходе производства по каждому делу о применении принудительных мер медицинского характера предоставлять процессуальные документы законному представителю.

Следовательно, часть первая статьи 437 УПК Российской Федерации, предусматривающая в системном истолковании с другими нормами данного Кодекса обязательное участие в производстве о применении принудительных мер медицинского характера законного представителя лица, в отношении которого оно осуществляется, не может рассматриваться как нарушающая права, гарантированные статьями 45 и 46 Конституции Российской Федерации.

1.4. Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются находящиеся в нормативном единстве положения статьи 402, части третьей статьи 433, статей 437 и 438, частей третьей и шестой статьи 439, части первой статьи 441, статьи 444 и части первой статьи 445 УПК Российской Федерации, на основании которых определяются процессуальные права лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, а именно права на личное ознакомление с материалами уголовного дела, на участие в судебном заседании при его рассмотрении, на заявление ходатайств, инициирование рассмотрения вопроса об изменении и прекращении применения таких мер и обжалование принятых по делу процессуальных решений.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и - исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, - возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1). Неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения (статья 17, часть 2, Конституции Российской

Федерации) предполагает недопустимость какого бы то ни было их умаления, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами.

Права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации; при этом общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, и если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (статья 15, часть 4; статья 17, часть 1, Конституции Российской Федерации). Соответственно, часть третья статьи 1 УПК Российской Федерации закрепляет, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, то применяются правила международного договора.

Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника (подпункт "d" пункта 3 статьи 14). Право каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия, закреплено также Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт "с" пункта 3 статьи 6).

Конкретизируя приведенные положения международно-правовых актов применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами, Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (приняты 17 декабря 1991 года Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 46/119) предусматривают право любого психически больного лица на осуществление всех признанных международными нормами гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, т.е. установления в связи с психическим заболеванием лица таких отличий, исключений или предпочтений, следствием которых являются отрицание или ограничение равенства в реализации прав (пункты 4 и 5 принципа 1); в отношении же лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния, если предполагается или установлено, что они страдают психическим заболеванием, общие принципы защиты подлежат применению в полном объеме с такими минимальными, необходимыми в данных обстоятельствах изменениями и исключениями, которые не будут наносить ущерб их правам (принцип 20); при этом государства обязаны обеспечивать наличие соответствующих механизмов для соблюдения данной Резолюции, в том числе в части разрешения жалоб (принцип 22).

В ряде других документов - рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818(1977) "О положении психически больных", рекомендациях Комитета Министров Совета Европы N R(83)2 "Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке", N R(99)4

"О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых", Rec(2004)10 "Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством" государствам - членам Совета Европы предложено установить, чтобы судебные решения не принимались только на основании медицинских заключений, а пациенту с психическим заболеванием, как и любому другому лицу, было обеспечено право быть выслушанным и чтобы в случаях предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства присутствовал адвокат; лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все свои гражданские и политические права, а любые их ограничения допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания.

С названными положениями международных актов соотносятся предписания Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", согласно части первой статьи 5 которого лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами; ограничение же прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации, как это следует из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3. Согласно части третьей статьи 433 и части первой статьи 441 УПК Российской Федерации производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, осуществляется в порядке, установленном данным Кодексом с изъятиями, предусмотренными его главой 51.

Лица, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, непосредственно не упомянуты ни в разделе II УПК Российской Федерации в числе участников уголовного судопроизводства - в отличие от других лиц, в отношении которых также осуществляется преследование, но которые способны нести уголовную ответственность (подозреваемые и обвиняемые), ни в самой главе 51 УПК Российской Федерации - в числе тех субъектов, которым в соответствии с правилами данной главы разъясняется право знакомиться с материалами уголовного дела, которые уведомляются о прекращении уголовного дела или о направлении его в суд для применения принудительной меры медицинского характера с вручением копии соответствующего постановления и которые наделены правом участвовать в судебном заседании при его рассмотрении (часть третья и шестая статьи 439, часть первая статьи 441); не отнесены они и к имеющим право обжаловать постановления суда в кассационном и надзорном порядке (статьи 402 и 444) и право инициировать прекращение или изменение принудительной меры медицинского характера (часть первая статьи 445). В силу статей 437 и 438 УПК Российской Федерации перечисленные права осуществляются законным представителем и защитником лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

В правоприменительной практике изъятия из общего порядка производства по уголовному делу в отношении данной категории лиц толкуются как изъятия из их процессуального статуса, исключаящие возможность личного участия в производстве по

уголовному делу. Между тем, по смыслу правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 года N 11-П, при обеспечении процессуальных гарантий лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства, необходимо исходить не только из формального наделения их соответствующим процессуальным статусом, но и, прежде всего, из существенных признаков, характеризующих их фактическое положение.

3.1. Лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, так же как подозреваемый и обвиняемый по уголовному делу, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Поэтому такому лицу, хотя оно и не привлекается к уголовной ответственности, должны обеспечиваться равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется преследование, процессуальные права, - тем более что, как следует из пункта 3 части второй статьи 29, пункта 16 части четвертой статьи 47, пункта 4 части третьей статьи 49, пункта 3 статьи 196 и статьи 203 УПК Российской Федерации, до получения результатов судебно-психиатрической экспертизы лицо, в отношении которого она проводилась, по своему статусу являлось обвиняемым или подозреваемым и, таким образом, уже обладало соответствующими процессуальными правами (статьи 46 и 47 УПК Российской Федерации).

Само по себе отсутствие в частях третьей и шестой статьи 439, статьях 402 и 444, части первой статьи 445 УПК Российской Федерации упоминания рассматриваемой категории лиц в качестве самостоятельных субъектов процессуальных прав, равно как и наделение статьями 437 и 438 данного Кодекса правом действовать в их интересах законного представителя и защитника не могут расцениваться как исключаящие их участие в судебном разбирательстве, однако в правоприменительной практике с момента получения заключения судебно-психиатрической экспертизы лицо, признанное невменяемым, как правило, не только автоматически считается не способным лично осуществлять указанные в этих нормах процессуальные действия, но и лишается остальных прав, предоставленных в уголовном судопроизводстве лицам, в отношении которых ведется уголовное преследование, а именно: знать, в совершении какого общественно опасного деяния его уличают, давать объяснения по обстоятельствам дела, заявлять ходатайства, участвовать в производстве следственных действий и судебном разбирательстве, приносить жалобы на действия и решения следователя, прокурора и суда, знакомиться с заключением экспертов и др.

С момента приобщения к материалам уголовного дела заключения судебно-психиатрической экспертизы обеспечение процессуальных прав данной категории лиц в полном объеме передается законному представителю и защитнику, сами же эти лица, таким образом, фактически утрачивают уголовно-процессуальную дееспособность, т.е. становятся в производстве о применении принудительных мер медицинского характера его объектом, без проверки в судебном заседании, действительно ли они не способны (с точки зрения психического состояния) самостоятельно защищать свои права.

Между тем отсутствие в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве основанного на обязательном учете реальной способности лица осуществлять процессуальные действия дифференцированного регулирования прав тех, у кого такая способность, несмотря на заболевание, сохранена, и тех, кто действительно по своему психическому состоянию не может самостоятельно защищать свои права, не

соответствует международным обязательствам Российской Федерации и законодательству Российской Федерации о психиатрической помощи и не обеспечивает защиту прав личности от необоснованных ограничений. Лишение лица, в отношении которого подлежат применению или применены принудительные меры медицинского характера, возможности самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, если психическое заболевание этому не препятствует, означает не согласующееся с конституционно значимыми целями, закрепленными в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, ограничение прав, гарантированных каждому ее статьями 45 (часть 2) и 46 (часть 1).

Данный вывод корреспондирует практике Европейского Суда по правам человека, который в Постановлении от 20 октября 2005 года по делу "Романов против России" признал, что присутствие заявителя в судебном заседании является необходимым условием для того, чтобы судья лично мог убедиться в его психическом состоянии и принять справедливое решение; рассмотрение дела судом первой и кассационной инстанций в отсутствие заявителя (вопреки его желанию), которое ничем не может быть компенсировано, допустимо лишь при наличии особых обстоятельств, например если имеют место какие-либо признаки агрессивного поведения или если физическое и психическое состояние не позволяет ему предстать перед судом.

3.2. Конституционное право на судебную защиту в его истолковании Конституционным Судом Российской Федерации предполагает, прежде всего, право каждого на обращение в суд самостоятельно либо через своего представителя, законного представителя или защитника; при этом, по смыслу правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлениях от 3 мая 1995 года N 4-П, от 16 марта 1998 года N 9-П, от 17 ноября 2005 года N 11-П и от 20 февраля 2006 года N 1-П, правомочие лично обращаться к суду за защитой своих прав и свобод имеет универсальный характер и является неотъемлемым элементом нормативного содержания данного права. Указанного правомочия не могут быть лишены и лица, в отношении которых разрешается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера либо об их продлении, изменении или прекращении.

Именно такое регулирование предусмотрено для решения вопросов, связанных с признанием лиц недееспособными и их госпитализацией в психиатрический стационар в недобровольном порядке, в гражданском судопроизводстве, где допускается личное участие лица в судебном заседании, если это возможно по его состоянию здоровья; если же по сведениям, полученным от представителя психиатрического учреждения, психическое состояние лица не позволяет ему лично участвовать в рассмотрении вопроса о его госпитализации в проводимом в помещении суда судебном заседании, то заявление о принудительной госпитализации гражданина рассматривается судьей в психиатрическом стационаре; признается также право на личное заявление ходатайств и обжалование в суд нарушающих права и свободы граждан действий и решений медицинских и иных работников при оказании лицу психиатрической помощи, а также право лично обжаловать в кассационном и надзорном порядке решение суда о госпитализации в недобровольном порядке, о продлении ее сроков, о признании лица недееспособным (часть первая статьи 284, часть первая статьи 304, статья 336 и часть первая статьи 376 ГПК Российской Федерации, часть вторая статьи 34, часть третья статьи 35 и часть вторая статьи 37 Закона Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании").

Отсутствие в нормах главы 51 УПК Российской Федерации аналогичных прямых предписаний относительно прав, предоставленных лицам, страдающим психическими расстройствами, в уголовном судопроизводстве, истолковывается в правоприменительной практике как позволяющее не учитывать фактическую способность лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в производстве по делу и самостоятельно осуществлять процессуальные действия, направленные на защиту своих интересов.

В процессе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данной сфере федеральный законодатель вправе - исходя из конституционного принципа равенства, не допускающего различное регулирование однородных по своей юридической природе отношений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года N 9-П), - в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий осуществить дифференцированное регулирование прав указанных лиц с учетом их психического состояния и способности лично участвовать в уголовном судопроизводстве.

3.3. Таким образом, находящиеся в нормативном единстве положения статьи 402, части третьей статьи 433, статей 437 и 438, частей третьей и шестой статьи 439, части первой статьи 441, статьи 444 и части первой статьи 445 УПК Российской Федерации нарушают статьи 19, 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения - по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, - не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично участвовать в уголовном процессе и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, а именно знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19, 45 (часть 2), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), находящиеся в нормативном единстве положения статьи 402, части третьей статьи 433, статей 437 и 438, частей третьей и шестой статьи 439, части первой статьи 441, статьи 444 и части первой статьи 445 УПК Российской Федерации в той мере, в какой эти положения - по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, - не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения.

2. Правоприменительные решения по делам граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в "Российской газете" и "Собрании законодательства Российской Федерации". Постановление должно быть опубликовано также в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Конституционный Суд
Российской Федерации